

Казанский государственный университет
культуры и искусств
Оренбургский тракт, 3, Казань, 420059, Россия
E-mail: nauka@kazguki.ru

ТОРГОВЛЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ С СЕВЕРНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД (IX – НАЧАЛО XIII ВЕКА)

Волжская Булгария, перенеяв в X в. от Хазарского каганата функцию торгового посредника, заняла монопольное положение в торговле между Востоком и Западом, Европой и Азией. Важнейшими в этой сфере являлись торговые отношения с Северной и Западной Европой, свидетельством чего стали предметы импорта из числа археологических находок: европейские мечи, восточные украшения, куфические, болгарские и западно-европейские монеты, металлическая посуда и другая продукция, обнаруженные на территории Восточной и Северной Европы. Востребованностью в странах Европы восточного серебра объяснялись большие объемы торговли куфическими и иными монетами.

Ключевые слова: Волжская Булгария, торговля, мечи, фибулы, памятники археологии, клады, граффити, куфические, болгарские и западно-европейские монеты.

Одними из важнейших направлений торговых связей Волжской Булгарии в IX – начале XI в. было западное и северо-западное. Заинтересованность европейских государств в торговых связях со странами Востока стимулировала развитие торговых путей. Важную роль в организации торговли сыграли города, располагавшиеся на речных магистралях и в других географически удобных местах, на перекрестках сухопутных дорог и перевалочных пунктах, где были удобные контакты как с горожанами, так и с окружающим сельским населением. А. Н. Кирпичников называет торговые города, имевшие прямое или косвенное отношение к Великому Волжскому пути и функционировавшие в VIII–IX вв. и позже: Дорестад во Фризии, Йорк в Британии, Риббе и Хедебю в Дании, Нидарос и Каупанг в Норвегии, Охус и Бирка в Швеции, Стариград (Ольденбург), Рёрик (Мекленбург), Ральсвик и Аркона на острове Рюген, Менцлин, Шецин, Волин, Колбшег, Трузо на острове Готланд, Сальтвик на Аландских островах, Гробини в Латвии, Ладога, Рюриково городище (ныне Новгород), Тимерево и Михайловское (давшие начало Ярославлю), Сарское городище

(ныне Ростов), Суздаль, Клещин (ныне Переславль Залесский), Муром на Оке, а также поселения и города на Средней Волге – Измери, Семеново, Булгар, Биляр, Сувар, Казань. Они имели опорное значение, определяя состояние международных рыночных связей. Интересное описание оставил германский миссионер, побывавший в 829–830 и 852 гг. в Швеции. В «Житии святого Ангария» он пишет, что в Бирке «много богатых купцов, изобилие всяческого добра и много ценного имущества» [Из ранней..., 1999. С. 40]. Через эти города прокладывался сквозной магистральный путь [Кирпичников, 2001. С. 13–14].

В VIII–IX вв. торговлю Европы со Средним Поволжьем через Русь начали скандинавы, или, как называют восточные источники, русы. М. И. Артамонов отмечал, что этим именем могли называться норманно-славянские военные и купеческие дружины лишь постольку, поскольку они формировались в Русском государстве и выходили из него [1962. С. 383]. А. Н. Кирпичников также подчеркивает, что они определяются как особая группа торговцев, поэтому в их составе можно представить лиц разного про-

исхождения: скандинавского, славянского, вполне возможно, финского. В целом термин «русы» имеет не этнический, а, если можно так выразиться, геосоциальный смысл [2001. С. 19].

С учетом изложенного важно осветить вопросы, связанные с установлением наиболее характерного состава товаров, проходивших по этим торговым путям, что важно с точки зрения хронологической и этнокультурной интерпретации ряда категорий находок из памятников археологии.

Достаточно характерным для того времени был облик купца-воина, объездившего много стран и одинаково хорошо владевшего как мечом, так и весами. Действительно, мечи, серийно выпускавшиеся в оружейных мастерских, расположенных примерно между современными Майнцем и Бонном, известны и в нашем регионе.

Долгие годы считается, что открытые в конце XIX в. Балымерские курганы в Спасском уезде Казанской губернии (ныне Спасский район Татарстана) были оставлены русами – славянами или викингами. Здесь действительно выявлены остатки трупосожжения с вещами, и в их числе были украшения конской сбруи, бытовые вещи: кресало, трубочка для трута и т. п. И главное, в погребении находился согнутый вдвое железный меч. Интересно, что в 80-х гг. XX в. в захоронениях мордовских племен, совершенных в X–XI вв. в Приочье, были найдены мечи, один из которых был также согнут. Такие изогнутые мечи были найдены и в Скандинавии [Кирпичников и др., 1999. С. 121].

Сторонники скандинавской версии происхождения данных погребальных объектов имеют и другие аргументы. Так, на Булгарском городище была найдена скандинавская женская фибула-застежка. Специальные иглы-заколки, изготовленные в скандинавском стиле, найдены в Ульяновской области и в Удмуртии. Эти бытовые предметы носились, как правило, женщинами и в этом качестве не могли быть приобретены местным населением Булгарии. Значит, они попали сюда вместе с хозяйками. Но и здесь есть свои нюансы. Если болгары скорее всего не надели бы эти украшения, то финны Севера с удовольствием пользовались ими, как и мечами. О том же, что финское население северных районов (Приладожья и Карелии) было частым гостем у болгар, свидетельст-

вуют многочисленные археологические находки.

Мечи из Европы или их обломки найдены и в иных регионах Среднего Поволжья и Прикамья: оковка меча с зооморфным орнаментом X в. в Биляре, меч типа S с сопряжениями на украшенной серебром рукоятке конца X – начала XI в. из с. Салман Спасского уезда Казанской губернии, острие меча с богатой серебряной отделкой в стиле Рингерайк XI в. из окрестностей г. Елабуги [Jansson, 1999. С. 120]. Число найденных в странах Европы клинков этого рода составляет 188–189 экз., из них 16–17 в Швеции, 12 целых и 8 обломков с тенденцией к увеличению – в Волжской Булгарии [Кирпичников и др., 1999. С. 108–109; Измайлов, 1999а. С. 34]. Сравнение этих цифр может достаточно убедительно говорить о широком поступлении таких изделий в средневожский регион.

Несколько мечей хранятся в фондах Национального музея Республики Татарстан [Валеев, 2007. С. 118, рис. 153–155]. Еще несколько мечей, найденных в Казанской губернии, хранятся в Государственном историческом музее (Москва) и Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург). Это массивные изделия длиной около 1 м, с широким обоюдоострым клинком, на котором сохранились клейма мастерской изготовителя, обозначенные собственным именем – Ульфберхт («ULFBERHT»), скорее всего, по имени ее основателя. Эта мастерская, находившаяся в Рейнской области Германии, в IX – первой половине XI в. выпускала сотни мечей, расхившихся во многие страны Европы. Речь идет о крупнейшей в средневековье оружейной мануфактуре, изготовлявшей признанное многими народами высококачественное белое оружие. Применение латуни создавало впечатление, что оружие украшено золотом, а включение в отделку серебра придавало наружному виду меча эффект переливающейся разными цветами богатой ковровой поверхности [Кирпичников и др., 1999. С. 109–110].

Клеймо «ULFBERHT» выполнено из железной или дамаскированной проволоки, уложенной в штампованные канавки в верхней части клинка. Сами канавки сделаны по контуру букв надписи. Перекрестие мечей украшено выемчатым орнаментом с серебряной инкрустацией. Навершие рукояти имеет фигурную форму. Мечи из фон-

дов Национального музея Республики Татарстан относятся ко времени не ранее X в.

Меч был атрибутом воина-героя и отважного человека. В Европе со времен Мерovingов меч – главное оружие конного воина и принадлежность каждого свободного гражданина. Он был своеобразным символом эпохи. Воин, вооруженный мечом, будь то европейский рыцарь, скандинавский викинг или восточный купец, был послом, путешественником, купцом и разбойником одновременно. Меч служил своего рода ключом моральных и нравственных постулатов того времени. Со времен Александра Македонского часто употребляемым было выражение «разрубить гордиев узел». В исландских сагах есть такие строчки: «мечом рассечь данные нами клятвы». Меч был дороже любого товара, его берегли, заботились о нем.

Вывозить мечи и торговать ими, особенно с потенциальным противником, запрещалось. Но, несмотря на запреты, контрабандная торговля клинками и готовыми изделиями была широко распространена. Мечи были индивидуальной и очень дорогой продукцией. Так, в X в. в циркумбалтийском регионе меч среднего качества стоил 0,5–0,75 марки серебра (117–175,5 г = 39–58,5 дирхемов). Для сравнения – за 1 марку серебра (около 234 г) можно было купить 1 рабыню, 2 коровы или 4 копы. В весовом соотношении, по подсчетам германского исследователя Йохима Херрманна, в XI в. меч стоил 125 г серебра, стремя – 125, копы – 50, шпоры – 20, узды – 10, уздечная пряжка – 5, нож – 3 г (1 дирхем), 1 стеклянная бусина – 3 г [Херрман, 1986. С. 81].

В сагах описывается и баснословно дорогая стоимость меча – в полмарки золота (117 г золота) [Лебедев, 1991. С. 289]. Дешевизна таких изделий, на наш взгляд, только кажущаяся, поскольку стоимость потребительской корзины в то время была существенно иной. Так, на Руси в то время 1 лошадь стоила 150 г серебра, 1 корова – 80, 1 вол – 50, 1 овца – 15, 1 свинья – 10 г. Особенно высокой была покупательная способность серебра в отношении сельскохозяйственной продукции. В Праге около 965 г., например, за 1 дирхем можно было купить 25 кур или 75 дневных рационов пшеницы для 1 человека, или 100 дневных рационов ячменя для 1 лошади. Довольст-

вие древнерусского дружинника XII в. составляло 200 гривен серебра в год и было равно 50 северным маркам (около 11 кг 700 г). В Скандинавии ежегодный доход воина-профессионала составлял в среднем 100 марок (около 23 кг 400 г) [Херрман, 1986. С. 81].

Через Среднее Поволжье и Хорезм эти мечи продавались и в страны Востока, о чем есть прямые указания в известных сообщениях середины IX в. Ибн Хордадбега [Хвольсон, 1870. С. 158] и автора 80-х гг. X в. ал-Мукаддаси [Гаркави, 1870. С. 282]. Хотя Булгар был обычно последним пунктом для скандинавских купцов, некоторые из них иногда достигали Каспия, Средней Азии и даже Багдада [Полубояринова, 2008. С. 93]. Через болгарских купцов в Западную Сибирь попали и меч XII – начала XIII в. с латинской надписью, и бронзовая скульптура драконоборца, отлитая в Лотарингии в начале XIII в. [Кызласов, 1987. С. 83; Полубояринова, 2008. С. 34].

Интересна находка равноплечей литой фибулы скандинавского импорта второй половины X в. из Булгара. Ее концы оформлены в виде звериных морд, поверхность украшена плетенкой, выполненной тонкими бороздками. Около 20 экземпляров таких украшений, составлявших предметы скандинавского импорта, найдено и в памятниках Руси [Полякова, 1996]. Хотя И. Л. Измайлов считает эти фибулы частью сакрализованного комплекса личных вещей и оберегов женского скандинавского костюма, связанного с присутствием скандинавов в Среднем Поволжье, и полагал, что они не могли служить предметом торговли [1999б. С. 97], товаром они были и одновременно являлись свидетельством тесных торговых связей между Булгарией и Северной Европой. Более того, на фибуле, и до того считавшейся скандинавской, найденной на болгарском поселении Красная река II в Старомайском поселении Ульяновской области, после химической очистки поверхности обнаружены граффити-знаки рунической скандинавской письменности, являющейся знаком собственности ее владельца [Семькин, 2002. С. 248–250]. В Булгарах была также найдена фибула прибалтийского происхождения XI–XII вв., имеющая подковообразную форму [Полякова, 1996].

И. В. Дубов допускает разные пути проникновения фибул на территорию Восточ-

ной Европы – либо непосредственно со скандинавами, либо в результате торгового обмена [Дубов, 1989. С. 119]. Исследователь Краснореченского поселения Ю. А. Семькин рассматривает фибулу как принадлежность скандинавского купца. Варяги в начале X в. не только занимались оптовой торговлей в Среднем Поволжье, но и самостоятельно торговали мелкими партиями своего товара в отдаленных районах страны [2002. С. 251–252]. На наш взгляд, археологических материалов недостаточно для такого смелого вывода, несмотря на всю привлекательность этого мнения.

Интересно отметить, что известный Элмедский клад, найденный около Биляра, состоявший из 150 дирхемов и являющийся к настоящему времени единственным кладом монет VIII–IX вв., содержал две монеты с граффити, одно из которых идентично скандинавской руне S [Дубов, 1989. С. 187. Рис. 57, 6; Мельникова, 1999. С. 84]. В районе Вятки и Камы, на территории бывшей Вятской губернии, а также на границе Удмуртии с Кировской областью, найдено 4 клада куфических монет 802–843 гг. Многие исследователи считают, что в IX в. верховья Вятки и Камы представляли собой особый регион. Он находился в стороне от основных торговых водных магистралей, но, тем не менее, привлекал торговцев, преимущественно скандинавов, с Балтийско-Волжского пути. Возможно, границы этого региона проходили вблизи современной Перми. Здесь в мужском захоронении второй половины X – начала XI в. была найдена подвеска с символом Рюриковичей – трезубцем, на одной стороне, и молоточком Тора в виде рукояти меча – на другой; видимо, она принадлежала княжескому дружиннику скандинавского происхождения [Крыласова, 1995. С. 192–197; Мельникова, 1999. С. 84–85; Измайлов, 2001. С. 73].

Стабилизация отношений булгар с русами произошла после 913 г., когда булгары нанесли им поражение на Волге. Одна часть русов продолжала торговлю и платила правителю Булгарии пошлину, а другая включилась в социальную структуру булгарского общества. Ряд дружинников поступил на службу к булгарской знати. После окончания службы они возвратились в Скандинавию и на Русь, захватив с собой булгарские изделия (поясную гарнитуру, конское снаряжение и т. д.) и знания о народах Повол-

жья («Булгарланд», «Бьярmland») [Измайлов, 2001. С. 76].

В скандинавской саге о норвежском конунге Олаве Харальдсоне (1014–1028 гг.) и его бегстве в 1029 г. на Русь сообщается: «Конунг Ярицлейв и княгиня Ингигерд просили конунга Олава остаться у них и взять то государство, которое зовется Вулгария, и это часть Гардарики, и было много народа в той стране языческого» [Джаксон, 1999. С. 31]. В сознании скандинавов, проходивших от Балтийского моря до Среднего Поволжья, Гардарики и Вулгария были неразрывно связанными. Этот факт (князь Ярослав предлагает Олаву именно Вулгарию) в интерпретации Снорри Стурлусона, стремившегося возвеличить норвежского конунга – святого покровителя Норвегии, отражает местоположение Волжской Булгарии на «ментальной карте» средневековых скандинавов и значение, которое придавалось в Скандинавии торговым поездкам по Великому Волжскому пути [Там же. С. 34].

Посещение скандинавскими купцами Среднего Поволжья, по сообщению Ибн Фадлана 922 г. [Ковалевский, 1956. С. 141–146], было связано с их интересом к восточным товарам, в первую очередь, к куфическим серебряным монетам, которые привозили сюда мусульманские купцы.

К. Хеллер, В. Вогель, Д. Элмерс, Х. Арбман и иные западные исследователи отмечают, что в Швеции и в целом в Скандинавии на рубеже VIII–IX вв. зародился новый тип профессионального торговца – «фармадр». Он не занимался традиционным хозяйством, а только торговлей на дальние расстояния, что стало возможным благодаря транспортному сообщению между Западной Европой, Скандинавией и Востоком и появлению торговых точек нового типа в районе Балтийского моря. К таковым относится Бирка. В основном через нее в течение почти 200 лет проходила торговля между Западом и Востоком. Бирка как транзитная торговая точка соединяла два конца пути дальней торговли: один, начинавшийся в области Рейна и проходивший через Хайтхабу к Балтийскому морю, и второй, открытый в это время путь по волжской водной системе из Швеции на Восток. Поэтому в IX–X вв. скандинавская дальняя и транзитная торговля функционировала ради получения прибыли от коммерческого сближения Востока и Запада. Предпосылкой для

этого было, в первую очередь, экономическое возрождение Западной Европы и дальнейшее развитие арабского Востока, а также то, что вследствие арабской экспансии старые транспортные сообщения по восточному Средиземноморью к Востоку были в значительной степени затруднены [Хеллер, 2001. С. 101–102].

Восточная, Северная и отчасти Западная Европа нуждались в восточном серебре. В Северной Европе спрос на куфические дирхемы был огромным, поскольку местных источников серебра не имелось. И пока не были открыты немецкие серебряные рудники и серебряные деньги не стали появляться на Балтике (вторая половина X в.), исламский мир, в том числе и Волжская Булгария, владел фактической монополией на серебро [Нунан, 2004. С. 288]. С середины VIII в. по Волге и Дону оно в больших количествах попадало на эти территории. Вначале в качестве перевалочного пункта в денежной торговле между Западом и Востоком определяющую роль играли хазары и Нижнее Поволжье, а уже во второй половине IX и в основном в X в. – болгары и Среднее Поволжье. Важным свидетельством, показывающим роль Волжской Булгарии в проникновении восточного серебра в Северную и Западную Европу, является распространение саманидских монет конца IX–X вв., подражаний саманидским дирхемам, отчеканенным большей частью волжскими булгарами, а также ярмаков болгарского чекана X в.

Серебро как один из главных денежно-весовых эквивалентов имело большое значение для балтийской и западно-европейской экономических систем. Сопоставление цен на наиболее востребованные и дорогие товары того времени дает об этом хорошее представление. Так, в североскандинавском регионе за рабыню или раба платили 200–300 г серебра. В договоре, который киевский князь Игорь заключил в 944 г. с византийским императором, цена за молодого раба устанавливалась в 10 златников, то есть около 426 г серебра. Старик или ребенок стоили половину этой суммы. Раб стоил дороже двух кусков шелка [Херрман, 1986. С. 80].

Примерно из 60 тыс. арабских монет в Швеции около 50 тыс. относятся к X–XI вв. Подобное соотношение характерно и для южных областей балтийского побережья.

Один из наиболее ранних и крупных кладов в Северной Европе был обнаружен в 1973 г. на поселении раннегородского типа у Ральсвика на о. Рюген. Он содержал свыше 2 200 монет (преимущественно арабских) и обломок пермского браслета так называемого «глазовского типа» (отчерк наш. – Р. В.) [Херрман, 1986. С. 80, 82, илл. 33]. В целом же в 1 500 кладах Балтики найдено около 150 тыс. арабских монет, что наглядно демонстрирует размах торговли в IX–XI вв. [Там же. С. 77, 82].

Нумизматические материалы VIII–XI вв. показывают конкретные периоды изменений потока куфических дирхемов в Северную и Западную Европу и роль хазар и болгар в посреднической торговле серебром. В 70-е гг. VIII в. клады арабских дирхемов стали появляться на Кавказе, а в 80-е гг. – уже в Ладого и на Готланде. Следовательно, к концу последней четверти VIII в. викинги или русы установили торговые связи через Хазарию с исламским миром. Этот период до конца IX в. называют хазарской фазой [Нунан, 2004. С. 258]. По последним данным А. Н. Кирпичникова, в Ладого обнаружен дирхем 699–700 гг., датируемый по слою начальным периодом существования города, т. е. 750–760 гг. [Кирпичников, 1999. С. 112]. Это удревняет начало торговли серебром.

В конце IX – начале X в. произошли существенные изменения. Новый караванный маршрут из саманидской Средней Азии через Волжскую Булгарию вытеснил традиционные пути через Хазарию. Это ярко иллюстрируется нумизматическими материалами. Если в кладах 875–899 гг. в Восточной Европе и Балтии подавляющее количество составляли аббасидские дирхемы, чеканенные на монетных дворах Ближнего Востока и ввезенные в Северную Европу через Хазарию [Нунан, 2004. С. 260, табл. 1], то к 910 г. старые аббасидские дирхемы почти полностью исчезли из кладов и клады 900–910 гг. преимущественно состояли из новых саманидских дирхемов. Следовательно, примерно с 900 г. большая часть торговли перешла к Волжской Булгарии [Там же. С. 260–261, табл. 2].

Саманидские дирхемы впервые появились на землях Балтии также в начале X в. Их количество неуклонно росло и к 940 г. составляло свыше 90 % от общего оборота. Старые аббасидские дирхемы оставались в

денежном обращении несколько дольше, чем в Восточной Европе, т. е. потребовалось больше времени на то, чтобы саманидские дирхемы попали сюда [Нунан, 2004. С. 261, табл. 3]. Важную роль в этом сыграли хорезмские купцы. Как только Хорезм в конце IX в. вошел в состав саманидских земель, его купцы убедили правителей чеканить для экспорта больше дирхемов. Они разработали схему этой торговли и механизм движения – караваном через степь в Волжскую Булгарию, где дирхемы продавали русам или другим купцам [Там же. С. 266].

В Швецию в X – начале XI в. поступило около 41 тыс. саманидских дирхемов из найденных в кладах 56,6 тыс. Сокращение числа саманидских дирхемов в Восточной Европе было не так заметно в Швеции вплоть до начала XI столетия. В Восточной Европе дирхемов было в 2 раза больше, чем в Швеции, но количество саманидских дирхемов в обоих регионах было почти одинаково, т. е. в пределах 78,4 и 80 % соответственно. Поступление саманидских дирхемов из Волжской Булгарии в Юго-Восточную Балтику, Польшу, Германию и Данию демонстрирует ту же тенденцию. Так, в Юго-Восточной Балтике в кладах 900–950 гг. отложено 1 605 дирхемов, в кладах 960–990 гг. – 1 683; в Польше – 5 718 и 13 275; в Германии – 2 926 и 2 100; в Дании – 3 465 и 304 соответственно [Там же. С. 292–294. Табл. 4–6].

По подсчетам американского нумизмата Т. Нунана, в кладах Восточной, Северной и Западной Европы было почти 319 тыс. дирхемов. Вместе с подражаниями и неопределенными дирхемами немногим больше 248,5 тыс. дирхемов было ввезено из Средней Азии в саманидскую эпоху и свыше 70 тыс. – импортировано с Ближнего Востока. Всего же с учетом коэффициента потерь из Средней Азии в течение X в. было ввезено 125 млн саманидских дирхемов, или 375 тыс. кг серебра, т. е. условно ежегодно ввозилось 3 750 кг серебра, или 1 250 тыс. целых дирхемов [Там же. С. 295–296]. Эти цифры показывают объемы торговли куфическим серебром, проходившим в X в. через рынки Волжской Булгарии в Восточную, Северную и Западную Европу.

Другим важным свидетельством значительных объемов торговли между Средним Поволжьем и Скандинавией являются находки подражаний и монет болгарского че-

кана. Шведский нумизмат Г. Рисплинг в 1985, 1987 и 1999 гг. провел детальное изучение состава металла куфических дирхемов в скандинавских археологических материалах и сделал вывод, что в IX в. 5 % монет были имитацией. Из них одна группа, датируемая второй четвертью IX в., относилась к хазарам. В X в. уже 10 % арабских монет являлись имитациями, большинство из них (около 80 %) было с определенной точностью произведено в Волжской Булгарии [Jansson, 1999. С. 117].

Монеты болгарской чеканки найдены в Эстонии – в 8 кладах, в Польше – в 10, в Финляндии – в 3, в Дании – в 2, в Норвегии – в одном кладе. Самое большое количество болгарских дирхемов найдено в Швеции – в 39 кладах, из них в 33 кладах на о. Готланд [Кропоткин, 1986. С. 38–57]. Примечательно, что болгарские монеты X в. находились в обращении вместе с куфическими дирхемами X – начала XI в., а во второй половине XI – XII вв. – с западно-европейскими и византийскими монетами. Так, в Лунде (Швеция) найден клад монет 958–959 гг., состоявший из 235 куфических и 22 западно-европейских монет, а также 9 определенных болгарских монет Микаила ибн Джафара, Бармана, Абдаллаха ибн Тагина, Талиба ибн Ахмеда (клад был зарыт в 965 г.). В Ботельсе на Готланде найден клад 948–949 гг. из 220 целых, 2 046 обломков куфических и западно-европейских монет и определенно 30 болгарских дирхемов Микаила ибн Джафара, Абдаллаха ибн Микаила. В Хэффиндсе (также на Готланде) в составе клада куфических монет (1 452 экз.) и вещей находились 25 болгарских монет Микаила ибн Джафара, Талиба ибн Ахмеда (949–950 гг.), Абдаллаха ибн Микаила (957–958 гг.). В кладе у г. Кохтла-Ярве (Эстония) найдено 777 монет, в том числе одна, чеканенная от имени Мумина ибн Ахмеда (975–976 гг.) в Суваре [Там же. С. 49–54]. В этом кладе, зарытом в 1130 г., находилось большое количество западно-европейских монет. Совместное нахождение в кладе куфических и болгарских дирхемов и монетовидных пластин свидетельствует о том, что на территории Прибалтики они обращались в один и тот же период, т. е. в XII в. болгарские монеты были в обращении.

Об обратном направлении торговых контактов говорят западно-европейские денарии XI в. из Чехии, Венгрии, Германии, Англии,

а также византийские монеты, обращавшиеся в Волжской Булгарии в «безмонетный период». До последнего времени находок западно-европейских монет в Среднем Поволжье не было известно. Лишь в последнее время при раскопках болгарских поселений X–XI вв. на I Семеновском, I Измерском, Кирпично-Островном селищах найдены, по определению А. С. Белякова, денарий из Дании (1047–1075 гг.), денарий из Намюра графа Альберта (1037–1060 гг.), медные подделки денария Гронингема и девентерских денариев епископа Бернольда (1027–1054 гг.), а также медные византийские монеты в Булгаре и на Муромском городище (Жигули).

Значительно больше западно-европейских монет обнаружено в Прикамье и Приуралье. В Удмуртии найдено 6 монет: в Чемшайском и Качкашурском могильниках, по две монеты – в Весьякарско-Бигершайском и Кабаковском. В погребениях Кичилькосского могильника (Северное Предуралье) собрано более 50 монет. В Пермском Предуралье таких находок более полутора десятков: англосаксонские монеты в окрестностях Чердыни и в Чаньвенской пещере, английский денарий 1042–1066 гг. в Агафоновском II могильнике, денарий Этельреда в Рождественском могильнике [Белавин, 2000. С. 186; Савельева, 1987. С. 167]. Западно-европейские денарии найдены и в могильниках Марийского Поволжья: в Дубовском – денарий герцога Ордульфа (Отто) из Евера (1059–1071 гг.) или графа Германа (1059–1086 гг.) [Федоров-Давыдов, 1984. С. 165], в Нижне-Стрелковском – английский денарий 1017–1023 гг. [Никитина, 1990. С. 94].

В Биляре и ряде населенных пунктов Пензенской области обнаружена металлическая посуда (бронзовые чаши, водолеи-акваманилы) и отдельные детали, изготовленные в Нижней Лотарингии и Аквитании. Подобные сосуды XII–XIII вв., а также сосуды мадьярского и византийского производства, обнаружены в Западной Сибири. Они могли попасть туда, по мнению А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худякова, при посредничестве болгарских купцов [Хузин, 2001. С. 48].

Среди других товаров, экспортировавшихся в Скандинавию через Среднее Поволжье, можно назвать весы и гири, их находки зафиксированы на всем протяжении Великого Волжского торгового пути; бусы из сердолика, хрусталя и стекла; раковины каури; платья и ткани; металлическая

гарнитура для ремней, стремена; бронзовая посуда и фрагменты серебряных сосудов, статуэтка Будды из Кашмира и иное [Jansson, 1999. С. 118].

В целом торговля Волжской Булгарии с Северной и Западной Европой хотя и носила опосредованный характер, но, включенная в евроазиатскую международную торговлю, играла достаточно важную роль в жизни народов этих стран, особенно в X–XI вв., когда северное направление торговых путей было приоритетным.

Список литературы

Артамонов М. И. История хазар. М., 1962. 523 с.

Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000. 196 с.

Валеев Р. М. Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX – начало XV вв.). Казань, 2007. 391 с.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с пол. VII до конца X в. по Р. X.). СПб., 1870. 308 с.

Джаксон Т. Н. О языческой Вулгарии Снорри Стурлусона // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань, 1999. С. 28–35.

Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989. 255 с.

Измайлов И. Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – нач. XIII в. Казань; Магадан, 1999а. 212 с.

Измайлов И. Л. «Русы» в Среднем Поволжье (этапы болгаро-скандинавских этносоциальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань, 1999б. С. 94–100.

Измайлов И. Л. Балтийско-Волжский путь в системе торговых магистралей и его роль в раннесредневековой истории Восточной Европы // Великий Волжский путь. Казань, 2001. С. 69–78.

Из ранней истории шведского народа и государства. М., 1999. 332 с.

Кирпичников А. Н. О начальном этапе международной торговли в Восточной Европе в период раннего средневековья (по монетным находкам в Старой Ладогe) // Международные связи, торговые пути и го-

рода Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань, 1999. С. 107–115.

Кирпичников А. Н. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Казань, 2001. С. 9–35.

Кирпичников А., Толин-Бергман Л., Янсон И. Новые комплексные исследования мечей эпохи викингов из собрания Государственного исторического музея // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 1999. С. 100–125.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. 345 с.

Кропоткин В. В. Булгарские монеты X в. на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 36–82.

Крыласова Н. В. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // РА. 1995. № 2. С. 192–197.

Кызласов Л. Р. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 79–86.

Лебедев Г. С. Этюд о мечах викингов // Клейн Л. С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 280–304.

Мельникова Е. А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань, 1999. С. 80–87.

Никитина Т. Б. Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // Древности Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. Вып. 17: Археология и этнография Марийского края. С. 81–118.

Нунан Т. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика Восточной Европы. СПб., 2004. С. 256–313.

Полубояринова М. Д. Торговля Болгара // Город Болгар. Культура, искусство, торговля. М., 2008. С. 27–107.

Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 154–168.

Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987. 200 с.

Семькин Ю. А. Находка кольцевой скандинавской фибулы из Ульяновского Поволжья // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Казань, 2002. С. 246–252.

Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1984. Вып. 8. С. 160–172.

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгаргах, мадьярах, славянах и руссах Абу Али Ахмеда Бен-Омар ибн Даста. СПб., 1870. 199 с.

Хеллер К. Ранние пути из Скандинавии на Волгу. Скандинавская экспансия в восточно-европейское пространство с начала VIII века // Великий Волжский путь. Казань, 2001. С. 100–109.

Херрман И. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 8–128.

Хузин Ф. Ш. Булгарская цивилизация и ее международные связи // Великий Волжский путь. Казань, 2001. С. 43–49.

Jansson I. «Oriental import» into Scandinavia in the 8–12th Centuries and the Role of Volga Bulgaria // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XVI вв. Казань, 1999. С. 116–122.

Материал поступил в редколлегию 30.06.2010

R. M. Valeev

TRADE CONNECTIONS OF VOLGA BULGARIA WITH NORTHERN AND WESTERN EUROPE DURING PRE-MONGOLIAN PERIOD (IX-XIII CENTURIES)

The inclusion of Volga Bulgaria into the system of international water and land trade ways of Eurasia determined its great role during early Middle Ages. Having adopted the function of trade mediator from Khazar Khanate, Volga Bulgaria could take a monopolistic position in the trade between East and West, Europe and Asia in the X century. The trade with Northern and Western Europe was very important in this aspect, what was proved by the objects of export and import – swords, jewelry, Cufic, Bulgar and Western European coins, metallic plate and other things. At the same time prices for commodities, which were formed on markets, the necessity of eastern silver in European countries, the volume of trade by means of Cufic coins were essential.

Keywords: Volga Bulgaria, Russians, swords, fibula, burial mound Balimersky, graffiti, Cufic, Bulgar and Western European coins.